

ДВЕ ПОЭМЫ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

В июньской книжке 1938 года читатели журнала «Октябрь» могли прочесть отрывок из поэмы молодого поэта Александра Яшина «Выступления на предвыборном собрании». С того времени почти в каждом номере «Октября» мы встречаем это уже знакомое нам имя. Перед нами достойный всяческого уважения пример прочного содружества журнала и молодого автора. Удалась ли журналу полностью его роль учителя и друга — это вопрос другой.

«Выступления на предвыборном собрании» — малоудачны. Это рыхлая, сырая вещь, изобилующая областными речениями, непрозрачная по языку, громоздкая. (Любопытно и поучительно следить, как Яшин в более поздних своих стихах борется со всеми этими недостатками, и зачастую преодолевает их).

Но вот в №№ 10—11 журнала «Октябрь» за 1939 год появляется большая, очень большая поэма того же автора — «Клад», которая, если не бояться игры слов, является подлинным кладом для критика, настолько отчетливы в ней все достоинства и недостатки поэта.

В поэме речь идет о двух приятелях-односельчанах, Иване и Степане. Вначале «обоим хотелось богатыми быть». Но когда разражается революция, Иван становится красным партизаном, Степан же, одержимый мыслью о богатстве, все ищет в земле старинный клад. И находит, правда, не то, о чем мечтал, но тоже своего рода сокровище: «Два пулемета, с полсотни гранат, тяжелых винтовок на добрый отряд».

Поразмыслив, Степан продает свой клад белым, как более богатым. Завязывается перестрелка с партизанами. Идет в дело и степанова находка. Красные вынуждены отступить. И Степан, ворвавшись вместе с белыми в родную деревню, среди прочих убитых находит и двух своих сыновей.

Степан сыновей на гумне нашел.
Клинком сплеча
Был развален один.

Другой взят
И брошен за тын —
Лежал на всемле
И дышал еще.

Похоронив сыновей, Степан, как и Иван, ушел партизанить. Вместе со старым другом своим он принялся добывать новое богатство, новый клад — обновленную и счастливую жизнь колхозной деревни. Таково содержание поэмы.

В ней привлекает серьезность и глубина замысла. Крайне трудна и сложна тема перерождения алчного и тупого собственника в человека широкой души и отчетливых социалистических устремлений. Яшин нашел ситуации одновременно и жизненные и остро сюжетные.

Задумана поэма хорошо, но написана многословно и водянисто. Недаром сам автор безжалостно почитрал ее в авторском экземпляре «Октября». Как жаль, что он не сделал этого раньше.

Жаль, что и редакция не помогла поэту устранить композиционные и стилистические недостатки поэмы. А их немало.

К ним в первую очередь относится натуралистичность.

Иные строки до такой степени отталкивают натуралистичны, что читаешь их с трудом.

Иван, летая,
Зверем трубил.
Подняв по-медвежьи белую кость,
Он о выхрапе,
Словно дрова рубил,
По черепу кольтовой ручкой бил,
Мясистые рожи
Тискал в горсть.

В погоне за мнимой народностью Яшин коверкает язык: взавиланды, ухрапать, одрог и т. д.

Есть в поэме места, приводящие в недоумение. Так, о старшем сыне Степана сказано, что

Он имел пушок над губой
И — с юд
Как начал носить штаны.

Поздновато, однако.

В другом месте Яшин сообщает нам, что «меняет места под солнцем и крот». Но крот именно тем и примечателен, что солнцем совершенно его не интересует, ибо он живет под землей.

Не придирчивостью вызвано это пристальное вчитывание в детали, а законным любопытством читателя. Вещь написана в ответственной реалистической манере. Контуры предметов не обведены никаким романтическим туманом. И мы вправе требовать точности, точности и еще раз точности.

И все же Яшин владеет кладом подлинным, неподдельным. Это его знание деревни. Умение показать ее изнутри сложно и многообразно. Это не та приукрашенная и упрощенная деревня с традиционно частушечным говорком, которая бытует еще кое-где в нашей поэзии. Это и не тот условный фон, с симметрично и аккуратно расставленными на нем классовыми «фигурками». Такие фигурки легко повинуются воле автора. Но как далеко это от жизни!

В деревне Яшина сохранилось еще много тяжелого. По колориту она отчасти напоминает бунинскую деревню (вспомним его «Веселый двор» с потрясающим образом матери). Но там, где Иван Бунин, бытописатель царской России, усматривал только томительное умирание, там Александр Яшин, советский поэт, ощущает рождение новых радостей.

Старая деревня с болью и мукой умирает в образе матери. Но сын, студент, возвращается в деревню обогащенным и обновленным. В его лице торжествует светлое настоящее и будущее, — такова тема поэмы «Мать».

Действие разворачивается в крайне острый период. Еще не перевелись кулаки. Маскируясь и хитря, они все еще существуют. Таков и Михайло, не спроста взявший в жены нищую батрачку Аграфену — Огрену — мать Василия.

Михайло цепок:

В году двадцатом
В башню за двором
Домашню устроил мыловарню.
За обученье знающему парню
Платил лежалым царским серебром.

Позднее он:

Подался в волюсть,
Продавцом служить,
Усупка выявилась, —
Он в контору,
Утечка обнаружилась, —
Он скоро
В деревню выехал.

Там мы и встает его. У Яшина есть даже намеки на то, что:

Баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.

А Огрена — «как было ей на брак не согласиться!» Она устала от лютой бедности.

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила,
Овинов сколько ржи измолила,
И сколько скотных обошла дворов,
Каких мастей,
Каких пород коров
Не гладила,
Не мыла,
Не доила.

Сын Василий, комсомолец, приехав к матери на каникулы, находит ее все той же батрачкой, работающей к тому же на врага. Когда это понадобилось, Михайло снарядил ее в Совет.

Она три дня ходила,
Ревела,
И Калининым грозила,
Котомкой заклинала всех,
И был
Налог скопчен.

Тщетно пытается сын раскрыть матери глаза на происходящее. Она не видит, не хочет видеть правды. Ослепленная недобрым «кладом», она слово в слово повторяет сказанное мужем:

С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине.
Мы от всего такого далеки!
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

События разворачиваются трагически. Раскулаченный при содействии Василия Михайло скрывается из дому, оставив пустые сундуки. Мать Огрена, не выдержав одиночества, не в силах ни забыть того мнимого, ни принять того подлинного «клада» новой жизни, который предлагает ей сын, кончает жизнь самоубийством, натравив сначала бешеного пса на соседских ребятишек. Василий, взлезши на чердак, увидел, что мать

Висела, как мешок мяканы,
Не шевелилась,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной
К родному сыну.

И при всем этом (и это основное), читатель закроет книжку Яшина со стесненным, но не омраченным сердцем. Светлое начало побеждает в поэме. Крепкое, счастливое поколение идет на смену старой истрадавшей деревне. Она, эта новая колхозная деревня, представлена в первую очередь молодым коммунистом Василием, снова вернувшимся в родные места на этот раз уже учителем «и заодно работать избачом. И ваодно колхозным счетоводом».

С теплым чувством запомнит читатель даже такую эпизодическую фигуру, как председатель сельсовета, который над сводками

Сидел один, потял, как над плутом.
Он одолел давно, хотя с натугой,
Письмо,
Но арифметика, подлюга,
Не подлавалась,
Бей ее колом!

Запомнит читатель и незадачливого, но веселого Петра Валова, «две страды» работавшего у Михайлы за граммофон и так и не получившего его.

Поэма «Мать», законченная в 1938 и изданная в 1940 году Гослитиздатом, во многом избавлена от недостатков «Клада». Она собраннее, компактнее. Язык несравненно чище, фигуры рельефны. Отдельные места просто превосходны.

Заканчивается поэма глубоко человеческими словами того же Петра об Аграфене:

...Отбилась баба от людей.
С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть схороним по-людски.

Правда, иной читатель, пожалуй, не согласится с мрачным концом поэмы. Он, читатель, возможно, предпочел бы видеть Огрену счастливой и переродившейся. Таких матерей много в нашей стране. Огрены — в меньшинстве.

Но и о таких, как Огрена, поэт имеет право и должен писать с той правдивостью и серьезностью, с какой это сделал Александр Яшин.